

существо, нет ни идейного, ни художественного анализа названных сборников. А ведь они значительно сложнее, чем другие книги А. Малышко, и не лишены противоречий. Рядом с превосходными стихотворениями в них немало стихов «проходных», бледных, невыразительных. Не случайно сборник «За синім морем» получил почти противоположную оценку со стороны таких крупных поэтов, как М. Рыльский и А. Твардовский. На мой взгляд, в сборнике больше достоинств, чем недостатков. Важнейшее достоинство — то новое, что сказал А. Малышко о трудовой Америке, об Америке будущего.

Лучшими произведениями в «Книге братів» являются стихотворения, посвященные современности. Среди них — одно из лучших во всем творчестве А. Малышко, заслуживающее подробного анализа, — стихотворение «Про вдову». В нем нарисован чудесный образ простой украинской женщины — вдовы, стойко перенесшей тяжелые испытания войны, неутомимой в колхозной работе, щедрой в заботе о людях.

Л. Коваленко хорошо владеет материалом своего исследования. Тем большее недоумение вызывает незавершенность, фрагментарность последней главы. Невольно думается, что первый раздел ее дописывался им несколько лет спустя после написания других глав и дописывался в большой спешке. Во всяком случае, предшествующие главы, отличающиеся богатством содержания, обилием метких наблюдений над «художественной тканью» произведений А. Малышко, не дают оснований для каких-либо иных предположений. Хочется надеяться, что при подготовке книги для второго издания автор ее коренным образом переработает первую часть заключительной главы, обстоятельно рассмотрит в ней творчество поэта 50-х годов, в особенности сборник его ярких стихотворений «Що записано мною». Это тем более необходимо, что А. Малышко по-прежнему весь в исканиях, и по-прежнему перед ним дорога — «все далі і вдаль». К тому же вся книга выдержана в духе суровой требовательности к поэту. Это хорошо, в этом проявляется подлинное уважение критика к таланту поэта, не нуждающегося в скидках. Но ведь и критик вряд ли в них нуждается?!

Книга Л. Коваленко толкает на размышления: со многим соглашаясь, о многом хочется поспорить. И это еще одно очень важное ее достоинство. Мне кажется, многие из тех, кому она попадет в руки, заново перечитают потом книги Андрея Малышко. И перед ними пройдет волнующая картина ратных и трудовых подвигов украинского и всего советского народа, по крайней мере за последние тридцать лет, встанет в своей неповторимой красоте «маленький великий человек», певцом которого является талантливый украинский поэт.

А. ОВЧАРЕНКО

ИЗ ИСТОРИИ УКРАИНСКО-ПОЛЬСКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ*

Проблема взаимообогащения и взаимосвязей между родственными славянскими литературами все больше привлекает внимание историков, филологов и литературоведов. Не только у нас, но и в Польше, Болгарии, Югославии, Чехословакии появляются работы, в которых рассматриваются коренные вопросы литературных, общественно-политических и культурных связей между славянскими странами. Можно

* Г. Д. Вервес, Іван Франко і питання українсько-польських літературно-громадських взаємин 70—90 років ХІХ ст., Видавництво Академії наук УРСР, Київ, 1957, 362 стр.

назвать, например, интересный труд болгарского профессора Симеона Русакиева «П. Р. Славейков и руската литература» (София, 1956) или работы чешских литературоведов Мирослава Дрозды и Яна Иши о чехословацко-советских литературных связях, польских литературоведов Мариана Якубця и К. Дунина-Вонсовича об украинско-польских отношениях на фоне деятельности Ивана Франко. Надо с удовлетворением отметить, что большинство авторов работ в этой области касается не чисто внешних сторон предмета, а прибегает к широким обобщениям и выводам. Все квазинаучные разговоры о пресловутом влиянии одного писателя на другого без достаточных на то оснований обычно сводились к неглубокому компаративизму и констатированию заимствований, подражаний, перепевов и пр. Теперь уже является азбучной истиной, что «исследования» такого рода не могут по-настоящему разрешить сложный вопрос о взаимосвязях и взаимообогащении разных литератур.

Украинский исследователь Г. Вервес много лет плодотворно работает над изучением украинско-польских культурных связей. Его работа о Мицкевиче и украинской литературе нашла положительный отклик в нашей и польской печати. Книга, о которой идет речь в этой рецензии, представляет собой серьезный научный труд, по своему содержанию выходящий за рамки заголовка книги. Центральной фигурой исследования является Иван Франко, который сделал так много в последней четверти прошлого века для единения украинской и польской культуры. Однако до последнего времени литературоведы, изучавшие жизнь и творчество Ивана Франко, как-то мимоходом говорили об его участии в польской прессе и об его отношении к крупнейшим польским писателям, современникам и классикам. Это объяснялось отчасти тем, что многие архивные материалы совершенно не были изучены, и поэтому ни польские труды Ивана Франко, ни его многочисленные статьи о польской литературе не находили должного освещения.

Г. Вервес подходит к своей теме со всей обстоятельностью ученого-исследователя. В этом можно убедиться хотя бы по вступлению к книге, где дан анализ польско-украинских отношений 60—70 годов XIX века. Автор книги устанавливает традиции этих связей, ведущих свое начало с XVI—XVII веков, показывает два направления: демократическое и дворянско-реакционное, особенно явно проявившие себя во второй половине XIX века в связи с постановкой «славянского вопроса». Вервес пишет: «После декабристов в России в постановке славянского вопроса вообще и польского в частности все ярче выявляются две тенденции. С одной стороны, идеи дружбы и взаимопонимания между народом польским и народами русским и украинским поднимаются революционными демократами — Герценом, Шевченко, Чернышевским, с другой — идею «единения славян» как подчинения славянских народов царизму выдвигают русские славянофилы во главе с братьями Аксаковыми и Киреевскими, Хомяковым, поддержанные представителями официальной народности (Погодин)» (стр. 8).

На примерах высказываний Герцена, Чернышевского и Шевченко автор убедительно показывает, как передовая общественность Украины, России и Польши искала путей для совместной борьбы против самодержавия и крепостничества. Г. Вервес дает тщательный анализ социальной обстановки, сложившейся на Западной Украине, в частности, в Галиции, в последней трети прошлого века. Обычно общественные и политические взаимоотношения между национальностями, населявшими Западную Украину, изображали схематически: Австро-Венгерская монархия, мол, отдала в Галиции бразды правления польской шляхте, которая дер

жала в подчинении украинское население. Это, конечно, соответствует исторической правде, но, как всякая схема, такое изображение сложного социального переплета мешает разбираться в частностях и нередко приводит к ошибочным обобщениям. Только в свете ленинского учения о двух культурах внутри одной нации можно разобратся в различных оттенках как шляхетской, так и демократической идеологии польских и украинских классовых группировок. Обе западноукраинских буржуазных партии — и «москвофилы» с их тягой к русскому царизму, и «народовцы» с их умеренным либерализмом — одинаково рьяно выступали против социалистического движения, доказывая, что оно чуждо украинскому народу, разумея под «народом» эксплуататорские классы. Печатные органы «москвофилов» и «народовцев» всячески поддерживали польскую реакционную печать, когда дело касалось социализма и «русского нилигизма», под которым разумелась идеология революционных демократов. Так, враждовавшие между собой украинские буржуазные группировки объединялись и с польской шляхетской реакцией, как только вопрос касался охраны личных интересов землевладельцев и буржуазии.

Автор книги анализирует деятельность той части польской интеллигенции, которая создала так называемое «хлопоманство» — течение, родственное украинскому «казакофильству». «Хлопоманы», выдвигая демократические требования охраны народных прав, пропагандируя просветительство для народа, все же выступали как националисты, сторонившиеся культурного и политического сближения между польским и украинским народами. Тем не менее именно из среды «хлопоманов» вышли и такие деятели демократического толка, как П. Свенцицкий, Т. Рыльский, В. Гнилосиров и другие. Они составили, как правильно замечает Г. Вервес, левое, демократическое направление «хлопоманства». Выходивший в 1866—1867 годах журнал «Сіо-Ю», в котором активно сотрудничала эта группа, обличал угнетательскую политику польской шляхты по отношению к украинскому народу и отстаивал право украинцев иметь свой язык, свою историю, свою культуру.

Среди предшественников Ивана Франко как борца за сближение славянских народов Г. Вервес останавливает особое внимание на М. Драгоманове.

К большому сожалению, за последние годы этот известный деятель или замалчивался украинскими историками и литературоведами, или не находил правильного истолкования. Дело в том, что М. Драгоманов прошел противоречивый путь от увлечения идеями социализма в молодости до убежденной защиты украинского национал-либерализма, и это вызвало известную оценку В. И. Ленина, критиковавшего позицию «украинского мещанина Драгоманова» в национальном вопросе. Но не надо забывать, что высказывание В. И. Ленина относилось к определенному этапу деятельности Драгоманова, увлекавшегося идеями «федерального социализма». Между тем многие исследователи украинской литературы были склонны полностью зачеркнуть все прогрессивное и положительное, сделанное Драгомановым для духовного сближения славянских народов. Были даже попытки изобразить Драгоманова только украинским сепаратистом, враждебно относившимся к лучшим достижениям русской и польской демократической литературы. Кстати, сам Драгоманов в «Автобиографии» энергично протестовал против таких обвинений, возводимых на него еще при его жизни: «Смело могу сказать, что ни один московский славянофил не распространял в Австрии столько «московских» (русских) книг, как я, украинский сепаратист». Действительно, нельзя не учитывать роль Драгоманова в 70—80-х годах как пропагандиста передовых идей русской демократической литературы, идей Бе-

линского, Чернышевского, Герцена, Добролюбова. Следует отдать должное тому влиянию, которое оказывал Драгоманов на украинскую демократическую молодежь призывая ее выйти из тупика самоограниченности. Живя за границей, куда он был выслан царским правительством за «неблагонадежность», Драгоманов, несомненно, много сделал для пробуждения самосознания интеллигенции. Он выступал против политики «москвофилов» и «народовцев» и противопоставлял им свой план идейного перевооружения галицкого общества. «Я составил план, — писал Драгоманов, — распространить в Галиции украинское направление посредством русской (великорусской) литературы, которая своим светским и демократическим характером подорвет в Галиции клерикализм и бюрократизм и обратит молодежь к демосу, а так как демос там украинский, то украинское самосознание получится там само собою».

Отмечая положительные стороны деятельности Драгоманова, Г. Вервес далек от мысли замалчивать его ошибки и заблуждения. Автор четко характеризует националистические тенденции Драгоманова в его работах, касающихся польско-украинских отношений: «Не объединение демократических и революционных элементов разных наций для борьбы с реакцией, а раздробление сил по национальностям — вот его программа». Автор книги показывает, как эта национал-либеральная программа Драгоманова была раскритикована Лениным.

Несомненно, в настоящее время вопрос о мировоззрении и творчестве Драгоманова может и должен быть пересмотрен, и Г. Вервес делает правильные шаги в этом направлении.

Не только Драгоманов, но и другие украинские писатели 50—70-х годов — Марко Вовчок, Свидницкий, Нечуй-Левицкий, Старицкий и другие — касались в своем творчестве польско-украинских отношений, и автор книги характеризует их соответствующие произведения. Но в литературе второй половины XIX века, как западноукраинской, так и надднепрянской, нет более яркого и законченного продолжателя революционно-демократических идей объединения славян, чем Иван Франко. Г. Вервес на протяжении всей своей работы исследует различные этапы деятельности Ивана Франко в этой области.

Первая часть книги озаглавлена «Иван Франко и польская общественность». Автор детально рассматривает связи выдающегося украинского писателя с демократическими кругами современного ему польского общества. Сюда относится сотрудничество Франко в газете «Ргаса», выходящей на польском языке во Львове с 1 июня 1878 года. На протяжении четырех лет Иван Франко принимал деятельное участие в этой газете, предназначенной для рабочих. Почти все программные статьи были написаны им самим. Хотя писатель и не был последовательным марксистом, но в этих статьях он развивал идеи научного социализма и призывал польских, украинских рабочих к интернациональной солидарности. Г. Вервес приводит содержание главнейших статей в газете «Ргаса», так что читатель наглядно видит рост мировоззрения Франко, создававшего в этот период и свои наиболее значительные художественные произведения: «Вечный революционер», «Каменяри», «Воа constriCTOR», «Борислав смеется» и др. Никакие живые наблюдения над бытом бориславских рабочих, никакое изучение условий их тяжелого труда на нефтяных промыслах не могли бы привести писателя к таким большим художественным обобщениям, если бы он сам не находился в центре политической борьбы и не был связан с деятелями украинско-польского рабочего движения. Эта сторона общения Франко с такими революционерами, как Людвик Варынский, почти всегда оставалась вне поля зрени-

исследователей. Вервес собрал значительный фактический материал, доказывающий связи Ивана Франко уже в этот ранний период его творчества с польским рабочим движением и его идеологами. Самая биография польского социалиста Л. Варынского, одного из создателей так называемой «Брюссельской программы» польских социалистов, указывает на его близость к русскому социалистическому движению. Начав революционную деятельность в Петербурге, Варынский продолжал ее в Варшаве и Лодзи. Созданная им первая польская социалистическая организация поддерживала тесный контакт с «Северным союзом русских рабочих». В газете «Прага» периодически появлялись сведения о рабочем движении в России, о крестьянских волнениях и об откликах европейской прессы на эти события. Когда в Женеве была организована группа польских социалистов, они создали свой орган «Równość», в котором с 1880 года принимал участие Варынский, вынужденный эмигрировать в Швейцарию. Франко поддерживал с этой группой живое общение и даже посылал туда свои статьи, как это доказывает Вервес на основании архивных материалов.

Автор подчеркивает, что польская социалистическая печать во Львове и Женеве вела ожесточенную борьбу с националистической группой Б. Лимановского «Lud Polski». Эта группа не признавала прав украинского народа на самостоятельное существование и вела по отношению к рабочему классу предательскую подрывную деятельность, стараясь подчинить национальной буржуазии интересы польского пролетариата.

Иван Франко резко выступал против Б. Лимановского и его группы солидарно с польскими социалистами.

Несмотря на то, что с 1882 года Иван Франко отшел от работы в газете «Прага» он не оставлял мысли о необходимости создания демократической партии из украинцев и поляков, которая могла бы противодействовать шляхетской реакции. Годы роста рабочего движения на Западной Украине не прошли бесследно для Ивана Франко, который вел на страницах польской газеты пропаганду идей научного социализма.

Еще полнее и разнообразнее материал труда Вервеса, относящийся к деятельности Ивана Франко в начале 80-х годов, направленной против общественной и литературной реакции. Этой проблеме посвящена вторая глава книги. Лагерь реакции был далеко не однородным: в нем находились и столпы русского славянофильства, и сторонники австро-венгерской монархии, и клеветы Ватикана. Автор показывает, как русская и польская консервативная печать призывает к «взаимопониманию» национальностей населяющих Западную Украину на почве борьбы против рабочего социалистического движения. К сожалению, гораздо шире и глубже характеризуются в книге течения польской общественной мысли, чем русской и украинской. В частности, слишком эскизно показана работа передового русского журнала «Отечественные записки» в области «польского вопроса». Автор правильно указывает, что наряду с революционно-демократическими выступлениями Салтыкова-Щедрина в «Отечественных записках» появлялись и статьи буржуазно-либерального толка. Однако сущность этой борьбы недостаточно раскрыта Вервесом, а между тем столкновения различных мнений в русской печати по «польскому вопросу» играли существенную роль. Иван Франко не раз в своих выступлениях опирался на идеи русских революционных демократов и был их соратником в вопросе о дружбе славянских народов, основанной на интернациональной солидарности. Г. Вервес анализирует такие работы Франко, как «Католический панславизм» и «Два «панславизма», и указывает на их резкую направленность против реакционного славянофильства и

спроисков Ватикана в области украинско-польских отношений. Что касается украинской консервативной литературы, то особое внимание уделено в книге критическим высказываниям Франко по поводу «Хуторской поэзии» П. Кулиша. Иван Франко определял призывы Кулиша к единению с польскими панамы как антинародное и антинациональное выступление, могущее принести только вред делу классовой солидарности украинского и польского народов. Вся деятельность Ивана Франко в начале 80-х годов вела к пропаганде идей революционного объединения славянских народов.

Во второй части книги, озаглавленной «Иван Франко и польская литература», исследователь подробно рассматривает проблемы, связанные со статьями Франко, появившимися в польской печати. Попутно освещаются вопросы личных контактов Ивана Франко с польскими литераторами его времени. Надо сказать, что до 1939 года советские исследователи, оторванные от польских и западноукраинских литературных архивов, вообще были лишены возможности пользоваться необходимыми для этой работы источниками.

Особо надо отметить в книге Вервеса истолкование польского литературно-общественного направления 60—70-х годов, известного под именем «варшавского позитивизма». До настоящего времени ни в русской, ни в польской критике нет точной формулировки для определения «позитивизма». Многие литературоведы склонны обозначать этим именем критический реализм и считать позитивистами таких общеизвестных писателей, как Элиза Ожешко и Болеслав Прус. Г. Вервес полемизирует с польскими критиками и диалектически подходит к самому термину «позитивизм», выступая против огульного включения в группу «позитивистов» Ожешко, Пруса, Конопницкой и других прогрессивных польских писателей второй половины XIX века. В «позитивизме», как правильно указывает автор книги, были свои положительные и отрицательные стороны. Если сторонники «искусства для искусства» резко негативно относились к «позитивизму», считая, что литература не может быть «тенденциозной», то представители революционно-демократической критики, в частности Иван Франко, не раз подчеркивали прогрессивность польского «позитивизма», поскольку он в отдельных случаях выступал против темных сторон капиталистической действительности, а главное, против остатков феодализма. Несколько позднее и русская марксистская критика, например В. Воровский, отмечала положительные моменты в деятельности «позитивистов» в 60—70-х годах, когда на историческую арену еще не выступил польский пролетариат. Однако в более позднюю пору польский позитивизм обнаружил и свои антиреволюционные черты, выражая идеологию мещанства, отстаивавшего консервативные устои жизни.

Множество фактов, приводимых в книге Вервеса, красноречиво говорит о том, что Иван Франко отнюдь не был только «гостем в чужой хате», как это доказывали украинские националисты. Своими четкими революционно-демократическими оценками польского литературного процесса, личными отношениями с крупнейшими польскими литераторами Иван Франко органически участвовал в развитии литературы украинского и польского народов и содействовал их взаимосвязям. При этом Иван Франко всегда отстаивал принципы реализма и глубокого, всестороннего проникновения в жизнь, изображаемую писателями. Когда позитивизм пришел к вырождению, Иван Франко осуждал его антидемократические тенденции и противопоставлял ему подлинно реалистическую польскую литературу.

Центральной в книге Вервеса надо признать пятую главу — «Иван Франко и

некоторые вопросы развития реализма в польской литературе». Здесь автор детально анализирует высказывания Франко о различных явлениях в области польской литературы. Защищая революционно-демократические позиции при разрешении проблем реализма, Иван Франко резко осуждал упадочную поэзию модернистов 90-х годов. Не надо забывать, что в середине 80-х годов в русской и украинской прессе пропагандистами польской литературы выступали главным образом буржуазные либералы. Их излюбленным «героем» в польской литературе был Генрих Сенкевич с его националистическим романом «Огнем и мечом» и проникнутым мещанской идеологией романом «Семья Полонезских». Естественно, что критики этого толка затушевывали освободительные стремления польских реалистов. Иван Франко, полемизируя с буржуазными либералами, подчеркивал реалистические элементы в творчестве Мицкевича, Крашевского, Гоцинского и указывал, что подлинная народность в их произведениях неразрывно связана с идейностью содержания, с конкретными задачами национально-освободительного движения польского, украинского и других славянских народов.

Г. Вервес собрал значительный материал, четко характеризующий отношение Франко к различным явлениям польской литературы. Однако исследователь не всегда достаточно критически относится к тем или иным оценкам выдающегося украинского писателя. Так, например, говоря о статье Франко «Шевченко — ляхам» Вервес поддерживает гипотезу Франко о том, что Шевченко из тактических соображений якобы утверждал идилличность сосуществования Украины и Польши до унии. Но знаменитое обращение Шевченко 1847 года к полякам «Когда мы были казаками» — еще не окончательный его вывод, и важно отметить, что в нем резко подчеркнута роль магнатов рядом с «несытыми ксендзами».

К числу недочетов книги Вервеса надо отнести и необъяснимое ничем умолчание о статье Франко «Поэт измены», наделавшей столько шума в пору ее появления. Это умолчание тем более удивительно, что автор книги в другом своем труде «Адам Мицкевич в українській літературі» (Держлітвидав, Київ, 1955) очень обстоятельно и, на наш взгляд, правильно излагает исторические и психологические причины появления этой статьи. Самое возникновение ее связано с так называемыми «кровавыми выборами» в австрийский парламент 1897 года, когда объединенными силами польской и украинской реакции был забаллотирован Иван Франко, как «мужицкий посол». Разумеется, дело было не в личной обиде Франко, а в том общественном значении этого факта, которое выдающийся украинский писатель оценивал по достоинству как разгул польско-украинской реакции. При таких условиях Франко написал свой памфлет, направленный против двурушников, соглашателей и прямых предателей народного дела, которым он дал кличку «валленродистов», по имени героя поэмы Мицкевича. Памфлет Франко, исполненный полемического задора, был напечатан на немецком языке в венской газете «Die Zeit» и вызвал ярость галицких реакционеров всех мастей. Сам Франко, обвиненный в том, что он якобы хотел унижить имя и творчество величайшего польского поэта, объяснял, что это отнюдь не входило в его намерения, и разоблачал националистический характер поднятой против него травли со стороны польских реакционеров.

Всесторонне оценивая взаимоотношения Ивана Франко с польскими политическими и литературными деятелями, Г. Вервес должен был остановиться на этом крайне важном эпизоде не только во имя объективности, но и для того, чтобы показать, в каком водовороте классово-политической борьбы протекала деятельность Ивана Франко.

Эта деятельность в зависимости от менявшейся общественно-политической обстановки принимала разные формы. Иван Франко участвовал, как мы видели, в рабочей печати, поддерживал передовые устремления польского крестьянства, пропагандировал идеи научного социализма. При этом он неизменно ратовал за содружество русской, украинской и польской культур. Знаменательны слова самого Ивана Франко, приводимые в книге Вервеса, о той роли, которую приходилось выполнять писателю как общественному деятелю, критику, переводчику и автору художественных произведений на польском языке: «Воспитанный в польских школах, выращенный на польской литературе наравне с другими, чувствую себя связанным общими узами с польской общественностью так, что разрыв с нею обошелся бы мне дорого. У меня столько среди поляков приятелей и благожелателей, столько приятных воспоминаний связывает меня с ними и я так им благодарен и так искренно и в меру сил моих готов отблагодарить их, что утверждение про мою ненависть ко всем полякам звучит в моих ушах будто какой-то голос с того света. Как украинец я больше всего люблю свой народ, свою национальность и по мере сил и своих способностей стараюсь помочь ему подняться и обогатиться. Но не шляхетскими, несправедливыми путями, хотя бы для достижения такой цели...» (стр. 357—358).

Книга Г. Вервеса при отдельных недочетах, к которым надо отнести и несколько сложную ее композицию, должна быть признана полезным вкладом в дело изучения взаимосвязей братских славянских народов.

А. ДЕЙЧ

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ТРУД О Л. Н. ТОЛСТОМ*

Один из старейших исследователей жизни и творчества Л. Н. Толстого Н. Гусев в своей новой работе задался целью воссоздать жизненный путь великого писателя, изучив и сведя воедино огромное количество материалов. Сюда входят сотни произведений Толстого, около десяти тысяч его писем, дневники, которые писатель вел в течение шестидесяти четырех лет. Помимо этого в работе широко использованы воспоминания современников Толстого. И хотя начатый исследователем труд еще далек от завершения, уже сейчас можно судить о его ценности.

Обе книги Н. Гусева не из тех, которые пленяют читателя с первой страницы. Но по мере ознакомления с ними интерес все больше возрастает: богатство фактических сведений невольно заставляет активно относиться к тому, что читаешь, делать самостоятельные наблюдения над фактами, присоединяя их к выводам и наблюдениям, сделанным автором.

Письма, дневники и воспоминания Н. Гусев, сохраняя чувство меры, умело дополняет художественными произведениями Толстого, особенно черновыми редакциями, используя их также в качестве материала к биографии. В результате отдельные, часто отрывочные факты оживают, освещаются изнутри, делаются более понятными. Правда, иногда указания на автобиографические элементы в художественных

* Н. Н. Гусев, Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1828 по 1855 г., изд. АН СССР, М. 1954, 720 стр. Его же, Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1855 по 1869 г., изд. АН СССР, М. 1957, 915 стр.